

О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

O. N. Kondratyeva
Kemerovo, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ВНУТРЕННЕГО МИРА
КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ
ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВНИКА
(образ Ивана Грозного
в интерпретации Андрея Курбского)**

**METAPHORICAL MODELLING
OF THE INNER WORLD
AS THE WAY OF CREATION
OF THE IMAGE OF POLITICAL OPPONENT
(an image of Ivan Grozniy
in Andrey Kurbskiy's interpretation)**

Аннотация. Рассматриваются языковые особенности создания образа политика в средневековом политическом дискурсе на примере анализа образа Ивана Грозного, созданного Андреем Курбским. Описаны основные метафоры, репрезентирующие внутренний мир Грозного, установлен их прагматический потенциал.

Ключевые слова: метафорическое моделирование; концептуальная метафора; образ; политик; внутренний мир.

Abstract. In the given article language features of creation of an image of the politician in a medieval political discourse are considered. The given problem is solved on the example of the analysis of an image of Ivan the Terrible created by Andrey Kurbskiy. The basic metaphors, representing inner world of Ivan the Terrible are described, their pragmatic potential is established.

Key words: metaphorical modeling; conceptual metaphor; image; the politician; the inner world.

Сведения об авторе: Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

About the author: Kondratyeva Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of General Linguistics and Slavic Languages.

Place of employment: the Kemerovo State University.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, каб. 6420.
e-mail: kondr25@rambler.ru.

Статья заняла 3 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Язык — политика — культура»

Метафора имеет длительную историю изучения. Как объект философской и теоретической рефлексии метафора была вычленена еще в античности, с тех пор теоретическое знание постоянно возвращается к осмыслению этого феномена языка и сознания человека. Метафора, по образному выражению В. В. Петрова, представляет собой золотую жилу, в которой «много самородков, и самые крупные еще не найдены» [Петров 1990: 143].

Каждое направление в лингвистике предлагает свое понимание метафоры, свою классификацию ее функций, новые методики изучения. Лингвокогнитивный подход, сформировавшийся в рамках антропоцентрической парадигмы, выдвинул в фокус исследовательского внимания миромоделирующую функцию метафоры. Как отметил А. П. Чудинов, «метафорическое моделирование — это отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки действительности в народной ментальности» [Чудинов 2001: 47]. Целый ряд лингвистов в рамках данного подхода также видит в метафоре «важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций» [Резанова 2010: 26].

В современной лингвистике активно изучается миромоделирующая роль метафоры в различных видах дискурса, однако особое распространение получили исследования, посвященные рассмотрению в подобном аспекте политического дискурса (см. работы А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, Т. С. Вершининой, А. А. Касловой, А. Б. Ряпосовой, А. М. Стрельникова и др.). И это вполне закономерно, поскольку именно в политической коммуникации концептуальная метафора имеет особое значение: она позволяет сделать образ более ярким, емким, выявить существенные стороны характеризуемого объекта, кроме того, обладает мощным прагматическим потенциалом, оказывает сильное воздействие на адресата, формирует определенное отношение к изображаемому.

В настоящий момент сложилось несколько основных направлений изучения метафоры в политической коммуникации: это исследование концептуальных метафор в рамках национальных политических дискурсов, сопоставительное межкультурное рассмотрение политической метафоры, выявление специфики использования концептуальных метафор в идиостилиях отдельных политиков, анализ роли метафор в создании образа отдельной страны (России, Америки, Германии, Франции и т. д.).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Кондратьева О. Н., 2011

Достаточно новым направлением является изучение роли метафоры в создании образа политика. Как отмечает И. В. Иванова, «когнитивные способы и собственно лингвистические средства создания образа (имиджа) политического деятеля ... не подвергались до настоящего времени специальному изучению в лингвистическом аспекте» [Иванова 2004]. Действительно, подобные работы на настоящий момент единичны, и выполнены они преимущественно на материале германских языков [Иванова 2004; Лапшина 2006]. Фундаментальных исследований такого плана, выполненных на русском материале, насколько нам известно, на данный момент предпринято пока не было.

Кроме того, вполне очевидно, что «российская политическая метафора нуждается в историческом изучении, что только такой подход позволит правильно оценить современное состояние политического языка, проследить за динамикой метафоры, обнаружить истоки (они же корни) многих современных феноменов» [Чудинов 2001: 219]. Следовательно, ретроспективный взгляд на метафорические механизмы, создающие образ конкретного политика, является свежим ракурсом изучения политической метафоры, что и определяет **актуальность и новизну** предлагаемого исследования.

Цель работы состоит в выявлении и лингвокультурологическом описании концептуальных метафор, создающих образ политического противника в средневековом политическом дискурсе. Для иллюстрации избран образ одного из наиболее ярких средневековых правителей — Ивана Грозного, создаваемый его политическим оппонентом князем Андреем Курбским.

Выбор данных политических персонажей не случаен. Грозный и Курбский были крупнейшими фигурами на общественно-политической арене своего времени, выразителями характернейших политических взглядов: первый — приверженцев сильной царской власти, второй — оппозиционных слоев населения, и в первую очередь боярства. Эпоха правления Ивана Грозного характеризовалась укреплением централизованного государства, реформами, появлением государственных деятелей широкого размаха. Это период авторитаризма: никто не смел высказывать суждений, не согласных с тем, что утверждал Грозный, только бежавший из России Курбский решился сформулировать свою позицию.

Князь Андрей Михайлович Курбский принадлежал к знатному княжескому роду Рюриковичей. Долгое время он являлся ближайшим соратником Грозного, влиятельным царским воеводой, входил в Избранную раду, участвовал в Казанских походах. В 1564 г., опасаясь опалы, Курбский бежал в Литву под покровительство польского короля Сигизмунда-Августа. Стремясь обосновать свой поступок, он написал Грозному три послания (положившие нача-

ло известной переписке между ним и царем), в которых обвинил его в жестокости и неоправданных казнях. В 1573 написал «Историю о великом князе Московском» — политический памфлет, в котором отразилась идеология крупной аристократии, выступавшей против усиления самодержавной власти.

По уровню образованности Андрей Курбский не уступал Ивану Грозному. Он получил хорошее образование (изучал грамматику, риторику, астрономию и философию), был связан с московскими книжниками, им были выполнены многочисленные переводы произведений таких авторитетных христианских писателей, как, например, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Дионисий Ареопagit, Григорий Богослов, Василий Великий, а на его мировоззрение серьезно повлияла деятельность Максима Грека. Соответственно, Андрей Курбский был не только выдающимся политиком, но и писателем, обладавшим ярким индивидуальным метафоричным стилем изложения. В его произведениях впервые в центре внимания русской литературы оказалась государственная деятельность и *личность* первого русского царя.

Основной задачей политических произведений Андрея Курбского было оправдание своего бегства в Литву и дискредитация Ивана Грозного, претендовавшего на польскую корону [Цеханович 1996: 96]. Для достижения этой цели он создает яркий, метафорический образ своего политического оппонента.

Следует отметить, что обращение к древнерусскому материалу при анализе политической метафоры сразу же позволило установить специфические особенности данной языковой эпохи. В частности, наше внимание привлекло следующее обстоятельство: если при создании образа современного политика метафоры используются для описания его внешности, манеры поведения и речи, используемых им политических стратегий и тактик, принятых решений, результатов его политических преобразований и т. д., то в древнерусских текстах прежде всего представлена метафорическая характеристика внутреннего мира политического персонажа, его души, сердца, ума и совести.

В древнерусских текстах аргументами в споре политических противников в борьбе за власть становятся не только политические программы и идеология, но и нравственный облик политика, его моральные качества, совершенство/несовершенство внутреннего мира, соответствие нравственно-религиозным нормам своего времени. Данная особенность объясняется свойственным древнерусской культуре вниманием к внутренней сущности, скрытой от взгляда, но определяющей ценность человека. Так, уже в «Молении» Даниила Заточника было сказано: *Господине мои! Не зри на внешняя моя, но возри внутренняя моя. Азь бо, господине, одеваемъ оскуденъ есмь, но разумомъ обилень; унь възрастъ имею, а старъ смыслъ во мне.*

Именно метафорическое моделирование внутреннего мира становится в произведениях Андрея Курбского основным способом создания образа идеологического противника — Ивана Грозного. При этом наиболее активно Курбский обращается к таким концептуальным оппозициям, как *жизнь/смерть* и *здоровье/болезнь*, *праведное/греховное*, *чистое/грязное*, каждая из которых порождает значительное количество метафор и вносит свои краски в образ первого российского царя.

1. СФЕРА «ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ». Лексика жизнедеятельности биологических организмов на протяжении всего периода развития языка становилась источником метафоризации самых разнообразных сфер действительности, в том числе и внутреннего мира человека. Как отмечает Л. В. Балашова, «в центре этой когнитивной модели лежит представление о жизни как о бытии чего-либо» [Балашова 1998: 122].

В древнерусской культуре «жизнь» души связывается с Богом, вне Бога существование души невозможно. Также прослеживается четкое различие судьбы праведных и неправедных людей: не подвержены смерти только души праведников. Показательно, что Грозный, много рассуждая в своих посланиях к Курбскому о жизни и гибели души, воспринимает свою душу как живую, действующую, при этом он цитирует фрагмент Священного Писания: *аще убо сие от отца твоего, диявола, восприимъ, много ложными словесы своими сплетаеши, яко вгры ради избѣжалъ еси — и сего ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя* (И. Грозный. «Первое послание Курбскому»).

Князь Курбский, напротив, уже с первого послания последовательно создает образ «погибающей» души Грозного: *аще и тмами хвалишися в гордости своей и при временном сем скоротекущем въце умышляеши на христианский род мучительныя сосуды, паче же наругаешися, попирающе аггелский образ, согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы, бесогласным твоим боляром и губителем души твоей и тѣлу, и детми своими паче же Кроновых жерцов дѣйствуют* (А. Курбский. «Первое послание Ивану Грозному»). Причиной «гибели» души становится гордыня, неправедный образ жизни, прислушивание к словам коварных советников, нежелание покаяться в совершенном.

Для поддержания «жизни» души, как и любое живое существо, необходимо питать. Но если истинной «пищей» души является молитва, слова святых отцов, то Грозный насыщает свою душу «пищей» вредной, ядовитой — суетными развлечениями и пением скоморохов: ***вмѣсто богодухновенных книг и молитвъ священных, имже душа твоя безсмертная наслаждалася и слухи твои царские освящались, — скоморохов со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣснями, ко осквернению и затворению слуха входу ко***

феологии? (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»). Такая «пища» разрушает душу, ведет к ее гибели.

Таким образом, метафоры смерти при характеристике души используются для указания на духовную гибель, утрату нравственных или идеологических ориентиров Иваном Грозным.

2. СФЕРА «ЗДОРОВЬЕ/БОЛЕЗНЬ». Данная оппозиция основана на представлениях о нормальной и нарушенной жизнедеятельности организма. В. В. Колесов отмечал, что «древний русич до XVI в. здоровьем считал не физическое, а душевное, моральное благополучие; состояние, противоположное недугу, он понимал как благо, как дар и награду за душевное свое здоровье» [Колесов 2000: 103]. Поэтому вполне закономерно, что в произведениях Андрея Курбского «больным» предстает не только сам политический противник, но и его центральные «внутренние органы», отвечающие за духовную жизнь человека, а именно: ум, душа и совесть [подробнее см. Кондратьева 2010].

Прежде всего в изученном материале представлено метафорическое восприятие противника как человека с нарушением интеллектуальной деятельности (безумие, слабоумие, дебилность). По мнению Курбского, только умственной ущербностью Грозного можно объяснить многие нелогичные и даже абсурдные политические поступки и решения: *не срамляешися писати к нам, аки бы ти, воинствующу сопротивля врагов своих, сила животворящаго креста помогала! И тако непишуеши или мниши? О безумие человеческое, наипаче же развращенные души от похлѣбников, или от любимых маньяков твоих!* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Душа и совесть Ивана Грозного страдают, с точки зрения Курбского, тяжелым кожным заболеванием — проказой. Уже в Библии существовала специфическая метафора «нечистоты» как заболевания кожного покрова. Своим возникновением названная метафора обязана евангельскому сюжету об исцелении (очищении кожи) прокаженного. Итоговое напутствие «Иди и больше не греши», «по существу, является метафорой нравственного очищения» [Яковлева 2000: 204].

В сознании верующего существовала устойчивая метафора «проказа = нравственная нечистота», и «прокаженные» душа и совесть являются показателями нравственной деградации человека. А. Курбский характеризует своего противника как человека с «прокаженной совестью», что сильно задает Грозного, который несколько раз, приводя свои аргументы, упоминает несправедливо, по его мнению, поставленный ему диагноз: *царю, от Бога препрославленому, паче же во православии пресвѣтлу явльшуся, ныне же грѣх ради наших сопротивне обрѣтесе, разумеваа да разумѣет, совесть прокаженну имуща, якова же ни в без-*

божных языцех обретается (А. Курбский. «Первое послание Ивану Грозному»); и сие ли „супротивно разуму и **совесть прокаженна**“, еже не вѣжу възвзвити и злодѣйственныхъ челоуѣкъ възразити, и от Бога данному царю воцаритися? (И. Грозный. «Первое послание Курбскому»).

Поражена «проказой», по мнению Курбского, не только совесть, но и душа Грозного: ему негли подобно и он блаженный, лстецъ истиннъ, умыслил, яко и послѣдовало дѣло, иже **душу его от прокаженныхъ ран исцелил и очистилъ был** и разеращенный умъ исправил, тѣмъ и овымъ наставляюще на стезю правую (А. Курбский. «История о великом князе Московском»); и вкратце рекше, целит недужных, **очищает прокаженных, не телесы, но душами**, возвращает заблудших, подъемлюще на рамена и приводяща ко Христу, первому пастырю, уловивши воистину от сетей дьяволских (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Кроме того, душа Грозного страдает от другого, не менее страшного заболевания — «чумы»: **ибо того ради славные и нарочитые исправление великихъ мужей от мудрыхъ челоуѣковъ исторіями описавшеся, да ревнуютъ им грядущіе роды, а презлых и лукавых пагубные и скверные дѣла того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались от них челоуѣцы, яко от смертоносныхъ ядовъ или поветрия** (чумы — О. К.), **не токмо телесного, но и душевнаго** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Показательно, что Курбский акцентирует внимание именно на «заболеваниях» души и совести оппонента, деятельность которых скрыта от взгляда и непостижима, соответственно вылечить их гораздо сложнее, а с учетом тех страшных болезней, которые им приписываются (проказа и чума), и вовсе невозможно.

Основным средством избавления от болезни является искреннее покаяние в грехах и молитва, это лучшее «лекарство» от недуга: **приими божественный антидот ... егда же кто того лекарства внутренним челоуѣком вкусит, яко рече Златоустый, пишучи во первом слове страстном о Петра апостола покаянію: по вкушению того посылаются молитвы ко Богу умиленные „чрез послы слезные“** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Как уже было отмечено, в большинстве случаев «заболевания» души и совести политического противника являются крайне тяжелыми, по мнению Курбского, они давно перешли в хроническую запущенную форму, и потому практически неизлечимы. У больного началась «гангрена», поэтому попытки лечения, которые могут дать хоть какой-то шанс на положительный результат, должны быть только хирургическими, необходимо вырезать больные ткани: **то же воистинну и врачеве премудрые**

творят: дикие мяса и неудобъ цѣлимые гагрины бритвами рѣжутъ аж до живаго тѣла и потомъ наводятъ помалу и исцѣляютъ недужных. Тако же и он творилъ, презвитер блаженный Селивестръ, видяще **недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшіеся и неудобны ко исцѣлению** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Таким образом, используемые А. Курбским морбиальные метафоры отличаются наиболее сильным воздействием. В результате перед нами предстает образ И. Грозного как человека не просто тяжелобольного, но обреченного, внутренний мир которого совершенно разрушен болезнью, а потому шансов на исцеление и адекватное руководство государством практически нет.

3. СФЕРА «ПРАВЕДНОЕ/ГРЕХОВНОЕ». Не вызывает сомнений, что праведность — неотъемлемая характеристика истинного христианина, тем более обязательна праведность души и сердца для человека, стоящего во главе государства: **Царь, аще и почтенъ царствомъ, а даровании, которых от Бога не получил, должен искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всеродныхъ челоуѣкъ, понеже дар духа даеця не по богатеству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной, ибо не зрит Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную** и даетъ дары, сирѣчь елико хто вместит добрымъ произволениемъ (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Грозный не соответствует данному эталону. Его душа развращена его советниками и приспешниками: **О безуміе челоуѣческое, наипаче же развращенные души от похлѣбников, или от любимых маньяков твоих!** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Ежедневно неправедными поступками Грозный попирает свою совесть — голос Бога в человеке: **о сопоспѣшнице перваго звѣря и самого великого дракона, якоже искони сопротивляется Богу и ангеломъ его, погубити хотяще всю тварь Божию и все челоуѣческое естество! Поколь такъ долго не насытишися крови христіянские, попирающее совѣсть свою?** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»); и взял еси на ся пресквернымъ произволениемъ фараоническое непокорение и ожесточение **сопротив Богу и совѣсти, отнюдь поправши совѣсть чистую, во всякого челоуѣка от Бога вложенную и яко недреманное око и неусыпнаго стража всякому челоуѣку душу и уму безсмертному подану и поставлену стражи ради и храненияя?** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Именно как утрату праведности, отступление от православия, поправление Христовых заповедей трактовал Андрей Курбский злодеяния Ивана Грозного.

4. СФЕРА «ЧИСТЫЙ/ГРЯЗНЫЙ». В средневековой культуре чистота являлась одной из наиболее значимых характеристик, которой придавалось сакральное значение. Чистота мыслилась в древности как «одна из конкретных реализаций „хороших“, „идеальных“, требуемых — эталонных, образцовых — качеств предмета, а именно как его „первозданность“: неиспорченность, незамутненность, незагрязненность посторонним — внешним — вмешательством. *Чистый* X — это X как он есть и как он должен быть по некоему идеальному замыслу: ...чистое сердце, чистое житие естественно могли быть проинтерпретированы по этому же типу ‘свободы от порчи’» [Яковлева 2000: 210].

В церковнославянском переводе Библии *чистота* предстает не только в своем прямом значении, но и как свобода от греха, праведность, и очищение связывается именно с избавлением от бремени грехов. Таким образом, первичное значение слова *чистый* — ‘не имеющий пыли, грязи или пятен’ — переносится на абстрактные понятия и становится одним из наиболее значимых параметров в характеристике образа жизни человека и его внутреннего мира [подробнее см.: Кондратьева 2005].

Андрей Курбский в ряде своих произведений сравнивает образ Грозного на начальном этапе его правления, в период завоевания Казани, с его позднейшим состоянием, используя оппозицию «чистый/грязный». Первоначально душа Грозного была чиста. Для иллюстрации этого Курбский использует метафору «тело — это церковь, а душа Грозного — голубица»: **в нѣйже** (телесной церкви — О. К.) **нѣкогда Духъ Святой пребывал, яже по прехвальном покаяню была вычищена и чистыми слезами измыта, от неяже чистая молитва, яко благоуханное миро или фимияна, ко престолу Господню возходила; в нейже, яко на твердом основании правовѣрные вѣры, благочестивые дѣла созидашася, и царская душа в той церкви, яко голубица крылы посребренными, между же рамя ея блисталася, пречистѣйши и пресвѣтлѣйше злата, благодатию Духа Святого преукрашенна дѣлами укрѣпления ради и освящения тѣла Христова и надражайшие его крови, еюже нас откупил от работы дияволи! Се такова твоя прежде бывала церковь телесная!** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»). Апелляция к образу голубицы не случайна, голубь с древнейших времен выступал как символ чистоты и непорочности.

В дальнейшем Грозный, по мнению Курбского, попадает под влияние плохих советников, отдаляется от праведной жизни, увязает в пучине грехов, что приводит к «загрязнению» бессмертной души и его телесной церкви нечистотами: **егда же развращенный и прелукавый развратиша тя, сопротив обрелся еси и**

по такомъ покаяню возвратился еси на первую блевотину за советомъ и думою любимых твоих ласкателей, егда церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, но ипаче же пятоградные гнусности пропастию и иными бесчисленными и неизреченными злодѣйствы (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

«Очищение» души и ума возможно только после осознания собственной греховности и покаяния, возвращения на истинный путь: **и послѣдовало дѣло, иже душу его от прокаженныхъ ран исцелил и очистилъ был и развращенный умъ исправил, тѣмъ и овымъ наставляюще на стезю правую** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Таким образом, именно внутренняя чистота становится фактором, детерминирующим существование человека. «Загрязненные» душа и ум являются нарушением нормы, отклонением от эталона, и соответственно создают отрицательный образ политического деятеля.

Проведенное исследование привело нас к следующим выводам.

1. При создании образа политического противника А. Курбский в качестве одного из основных способов использует метафорическое моделирование внутреннего мира, т. е. описывает состояние души, ума, сердца и совести Ивана Грозного, оценивая их с точки зрения соответствия/несоответствия некоему эталону, обязательному для правителя Руси, избранного Богом и являющегося образцом для своих подданных.

2. В качестве основных сфер-источников метафорической экспансии задействованы концептуальные оппозиции «здоровье/болезнь», «жизнь/смерть», «праведное/греховное», «чистое/грязное».

3. В интерпретации Курбского внутренний мир Грозного может быть охарактеризован исключительно отрицательными членами каждой из оппозиций, что создает негативный образ самодержца всея Руси.

4. Все метафоры прямо либо косвенно связаны с идеей греховности: например, метафоры «грязной», «больной» души репрезентируют ее испорченность, порочность, «погибель» души — это следствие прегрешений, утраты нравственных ориентиров, удаления от Бога. Грешный человек не достоин быть правителем, вершить на земле суд Божий. Следовательно, создавая образ Грозного, Курбский постоянно демонстрирует его несоответствие эталону истинного правителя.

5. Используемые А. Курбским метафоры вызывают эмоциональное отторжение, а значит, отрицательный образ правителя становится особенно действенным. Перед нами предстает образ И. Грозного как человека греховного, безумного, не просто больного, но обреченного, внутренний мир которого деформирован и совершенно разрушен болезнью, поэтому бес-

полезно ожидать от него разумных действий в управлении государством.

Вместе с тем следует отметить, что, используя концептуальные метафоры, отрицательно репрезентирующие внутренний мир Грозного, Курбский не имеет цели исключительно оскорбить своего оппонента или оправдать собственное бегство в Литву. Подобные метафоры обусловлены наличием у автора представлений о неправомерности и недопустимости существующего положения вещей в России того времени, тревогой за Российское государство, желанием изменений и ощущением собственного бессилия.

ЛИТЕРАТУРА

- Балашова Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI—XX вв. / Л. В. Балашова ; Саратов. ун-т. — Саратов, 1998.
- Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
- Вершинина Т. С. Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002.
- Иванова И. В. Концептуальная метафора как средство формирования образа политического деятеля в англоязычной прессе : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004.
- Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.
- Кондратьева О. Н. Формирование структуры концепта «чистота» в древнерусской культуре // *Welt im der Sprache* / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. — Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005. S. 93—102.
- Кондратьева О. Н. К истокам формирования морбиальных метафор в политической коммуникации (на материале произведений А. Курбского) // *Политика в зеркале культуры и языка: сб. науч. ст., посв. 60-летию юбилею проф. А. П. Чудинова* / отв. ред. М. В. Пименова. — М.: ИЯ РАН, 2010. С. 266—272.
- Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2000.
- Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
- Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // *Вопросы языкознания*. 1990. № 3. С. 135—138.
- Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // *Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. «Филология»*. 2010. № 1 (9). С. 26—43.
- Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы» (1999—2000 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.
- Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.
- Цеханович А. А. Курбский Андрей Михайлович // *Литература Древней Руси : библиографический словарь* / под ред. О. В. Творогова. — М.: Просвещение, 1996. С. 95—98.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
- Яковлева Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // *Логический анализ языка: языки этики* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. С. 200—216.

ИСТОЧНИКИ

- Курбский А. История о великом князе Московском // *Библиотека литературы Древней Руси* / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. С. 310—480.
- Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // *Библиотека литературы Древней Руси* / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. С. 14—102.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова